ЗАБЫТЫЕ ПРОМАХИ

В этой публикации мы не станем знакомить читателей, как это делаем обычно, со свежими событиями. И даже отложим рассказ о поездке в Ферганскую долину, посвящённой продуктивности воды и других ресурсов. Поговорим о забытых промахах. В том, что они вспомнились, «виновата» поездка, так как особо памятные случились в долинах рек, и связаны они с водой.

В этой публикации мы не станем знакомить читателей, как это делаем обычно, со свежими событиями. И даже отложим рассказ о поездке в Ферганскую долину, посвящённой продуктивности воды и других ресурсов. Поговорим о забытых промахах. В том, что они вспомнились, «виновата» поездка, так как особо памятные случились в долинах рек, и связаны они с водой.

Как закрывали химзавод

Тогда, как и сейчас, начинался июль. Кокандские базары ломились от абрикосов и персиков. Мы прибыли из Ташкента в Коканд самолётом, для которого не требовались билеты. Чартерным рейсом летели по списку участники межведомственной комиссии, созданной по поручению правительства Узбекистана, и представители союзного Министерства удобрений во главе с министром. Автора этих строк тоже включили в список, как корреспондента Узбекского информационного агентства, освещающего вопросы экологии. Шёл 1989 год.

Уже в самолёте стало ясно, что цель – не просто посмотреть Новококандский химзавод. Скорее всего, «экскурсия» закончится его закрытием.

До этого Коканд уже некоторое время лихорадило. Отголоски докатывались даже к нам в УзТАГ. Как-то приехали в редакцию два активиста позвать на общественные слушания. И меня командировали. Сторонники завода на дебатах заявляли, что нельзя потерять полторы тысячи рабочих мест, да и без удобрений для полей – никак. Противники утверждали, что производство удобрений загрязняет уникальное Сохское месторождение пресных подземных вод и говорили о проливах кислоты на железнодорожных путях предприятия, горах фосфогипса на территории. Специалисты ссылались на заключение вневедомственной экспертизы, признавшей размещение химзавода над месторождением пресных подземных вод грубейшей ошибкой. Упоминались запахи от сернокислотного производства, пожухшие посевы и заболевания местных жителей.

Из-за затянувшихся дебатов мне завод посмотреть не удалось. Зато было чему подивиться в день приезда межведомственной комиссии. Хотя её ждали и к ней готовились, но ничего заводчане поделать с горами отходов не смогли. Они у стен корпусов поднимались до уровня второго этажа и выше. Солидная процессия ходила между корпусами и ахала.

В строительство Новококандского химзавода было вложено 120 миллионов рублей (по тогдашним ценам – 120 млн долларов. Деньги – от Минхимпрома СССР). Экологической экспертизы не проводилось. К тому же при строительстве был нарушен проект: по настоянию соседнего аэропорта укорочена почти вдвое труба сернокислотного производства, из-за чего загрязнённость воздуха в несколько раз превысила нормы.

Госкомитет Республики Узбекистан по охране природы принял решение о полной остановке Новококандского химзавода. Межведомственная комиссия предложила заводу и Министерству удобрений немедленно приступить к работам по перехвату и откачке загрязнённых подземных вод. Обсуждали члены комиссии и будущее предприятия. Прозвучало предложение о розливе здесь польского шампуня, но тут же, на ходу, от него отказались: «Шампунь тоже может утекать в галечник».

 Сохский галечниковый щит занимает 416 квадратных километров. Госкомприрода выявила здесь не один, а около полусотни народнохозяйственных объектов, причиняющих вред природе. Руководству Ферганской области было рекомендовано прекратить применение и складирование химикатов. Населению сообщили, что виновными в грубейшей ошибке займётся прокуратура республики, ущерб будет возмещён в установленном порядке. Что же до перепрофилирования производства, то профиль выберут местные органы власти с учётом пожеланий заинтересованных организаций и общественности.

Как дальше развивались события? О промахе вскоре забыли. Никакого резонансного дела по поиску виновных не заводилось. И то сказать – приближалось время распада Союза. На территории предприятия возникли мелкие цехи по выпуску стройматериалов. Сейчас здесь все почистили и производят спирт. Но не все последствияч ликвидированы. При ветре отходы из «хвостов» Новококандского химзавода несёт на город. Что касается загрязнения уникального Сохского месторождения пресных подземных вод, то процесс продолжается и спустя четверть века, вызывая тревогу гидрогеологов.

Душ с душком?

 На прошлой неделе специалисты-водники, совершая деловую поездку по Ферганской долине, остановились в гостинице в Фергане. Признательна им, что взяли в поездку и меня, корреспондента. Припомнив историю, о которой приходилось писать в связи с загрязнением водопроводной воды, в гостиничном номере тут же включила душ. Чем пахнет? Да ничем. И это замечательно.

Около полутора десятка лет назад жители одного из районов Ферганы жаловались на специфический запах. Санврачи сделали замеры водопроводной воды и определили аномальные концентрации пестицидов. Замеры на водозаборных сооружениях также показали грязь. В итоге несколько питьевых скважин с высокими концентрациями загрязняющих веществ отключили и занялись поиском причин.

Когда поиски своими силами ни к чему не привели, ферганцы обратились в государственное геологическое предприятие «Кизилтепагеология». В его составе действовала специализированная геоэкологическая экспедиция. Её специалисты, пройдя вверх по течению подземных вод, вышли к бывшему сельхозаэродрому, расположенному у посёлка Карасув. Не так-то легко оказалось найти взлётную полосу, засаженную виноградниками, фруктовыми деревьями, а в междурядьях – овощами, зерновыми, кормовыми культурами. Геоэкологи обнаружили здесь и ещё в двух очагах, расположенных поблизости, запредельные суммарные концентрации пестицидов. А от них до водозаборных скважин, питающих Фергану, всего полтора километра.

Геоэкологи пробурили свыше полутораста шнековых скважин глубиной до пяти метров. Воду и почву анализировали на разных уровнях, да ещё замерили всю исследуемую площадь по сетке через каждые сто метров. Общее число проб перевалило за тысячу. В пробах обнаружили не только пестициды, но и нефтепродукты.

Исследователи отправились искать истоки, и через несколько километров вышли к нефтяным месторождениям чимионской группы. Какая связь с водой, ведь они находятся на разных подземных уровнях? Насыщение идёт сверху. Из скважин выкачивается нефть, по трубам она поступает в ёмкости, тут она отстаивается перед отправкой на нефтеперерабатывающий завод, а слой воды, насыщенный углеводородами, сливается. Что в нём? Метан, фенол и другие компоненты нефтяных месторождений, включая тяжёлые металлы. Ещё больше всего этого при проливах нефти в грунт.

Проливы невелики, концентрации загрязняющих веществ – тоже. Но у стен города результаты замеров оказались иными. Почвы «дышали» метаном, угарным и другими газами углеводородного ряда. Очевидно, что, наталкиваясь на фундаменты, как на препятствия, подземные воды застаиваются, концентрации нефтепродуктов растут. При этом активизируются микробиологические процессы, ведь бактерии в «болоте» чувствуют себя превосходно. Такие воды агрессивны по отношению к металлу, железобетону, фундаментам. «Нужно прекратить всякие утечки», – советовали геоэкологи.

Подземный «казан»

 В поездке по Ферганской долине мы со спутниками не раз возвращались к теме поверхностных и подземных вод, так как надо повышать продуктивность воды в сельском хозяйстве. На эту же тему беседовали и с местными жителями. Естественно, шла речь и о роли деревьев для биодренажа. Главный водохлёб в наших краях – чинара. Корни одного дерева за сутки выпивают десятки литров.

Вырубка чинар, последствия которой мы наблюдали в Фергане, Андижане, Намангане, Коканде, ведёт к подъёму уровня воды в подземном «казане». Впрочем, так не только в долине Сырдарьи, но и Чирчика.

 Вырубка чинар в ташкентском Сквере привела к подтоплению подвалов расположенного ниже по течению грунтовых вод оперного театра.

С ташкентским подземным «казаном» связано чрезвычайное происшествие, что стряслось спустя полтора года после пуска поездов метро до станции «Чкаловская» и оставило свой шлейф на годы. Сейчас выросло поколение, которое об этом и не догадывается. Между тем, на мой взгляд, это ЧП следовало бы включить в учебники, как пример серьёзного экологического промаха и дорогостоящего его исправления. До сих пор оно требует денег. И будет требовать, пока существует участок метро от станции «Ташкент» до «Чкаловской».

То, что случилось в 1989-м, нарушило работу метрополитена и, отчасти, авиазавода. В сентябре перегон закрыли месяца на три, а следующей весной движение на перегоне остановили едва ли не на год.

Первый раз движение остановилось по инициативе машинистов поездов. Накануне они объявляли пассажирам по радиосвязи, что с «завтрашнего дня поезда идут только до станции «Ташкент». Об этом же сообщали самодельные плакаты. Машинисты сигнализировали о тяжёлых запахах на перегоне и раньше, да только никто особого внимания не обращал. А тут сразу собрались руководители метрополитена, города, завода, врачи, экологи: «Какие претензии, что за газы?»

Как выяснилось, машинисты в тоннеле теряли сознание. Серьёзные проблемы со

здоровьем возникли и у сотрудников, обслуживающих участок. Акцию предприняли после госпитализации шести товарищей с тяжёлой интоксикацией.

Для изучения ситуации и принятия мер в столице создали комиссию. Мне, журналистке, тоже довелось вместе с комиссией спуститься на закрытую станцию. Все мы глубоко вдохнули, и никому не понравилось. Я написала свою первую заметку о ЧП, о том, что перегон закрыт до исправления ситуации, что авторитетные лица, включая специалистов и учёных разных профилей, изучат газы и предложат меры, дабы их исключить.

Пассажиры, успевшие привыкнуть к метро с его удобством и скоростью, выражали своё неудовольствие неожиданной паузой, ведь теперь добирались до авиагородка и обратно на перекладных. Комиссия регулярно собиралась и разбирала разные версии. О причине появления газов профессионалы догадались довольно быстро. Тоннель перегородил поток грунтовых вод. Если бы они были чистыми, ещё полбеды. Но стоки загрязняли заводские утечки и утечки-сбросы с химчистки вышестоящей воинской части, проливы нефтепродуктов с автозаправок. Также их пополняли туалеты частного сектора, находящегося выше по течению грунтовых вод. У тоннеля образовалось «болото».

Почему проектировщики не учли поток грунтовых вод? Выяснилось, что они-то учли. Но им было предложено тоннель подвести к проходной авиазавода. Ради «Чкаловской» передвинули даже русло речки Карасу. Теперь течёт по соседству. В грунте русла обнаружена чёрная масса, состоящая из сульфитов железа, свинца других тяжёлых металлов. Всё это – продукты жизнедеятельности микроорганизмов. Древнее название реки позволяет предположить, что биопроцессы с их участием проходили здесь и прежде. Человек же, вторгшийся в природу, перегородивший поток грунтовых вод, изменивший русло реки, усугубил их, вытащил наружу.

Какие газы, образующиеся в результате мутационных процессов в подземном «казане», вызывали отравления людей? Точного ответа химики так и не дали. Не удавалось поймать легколетучие токсичные «газы икс». Но специалисты «Кизилтепагеологии» предложили способ борьбы с анаэробными микроорганизмами, продуцирующими газы. Анаэробные развиваются в безкислородной среде, воздух для них гибелен. Значит, надо воздух подать.

Так начали эксперимент по «раскачке» грунтовых вод. Около двух десятков скважин были пробурены для водопонижения у тоннеля. Они откачивали и откачивают воду из «казана» в Карасу. Речка загрязняется, поезда

ходят. А экологический

промах забыт. Забыта и специальная служба, созданная из лучших специалистов Госкомгеологии, – геоэкологическая экспедиция. Она расформирована после выполнения госпрограммы «Геоэкология Узбекистана».
Где получить компетентный ответ, что происходит под ногами сейчас?
Наталия ШУЛЕПИНА
sreda.uz, 4.7.2013г. http://sreda.uz/index.php?newsid=1024
См.газетная версия в «Новости Узбекистана», 5.7.2013г.
* * *
P.S. В 1989-м мы летали в Коканд на закрытие завода в составе комиссии, которую возглавлял Владимир Григорьевич Конюхов. Конюхов был заместителем председателя Госкомприроды (создана в 1988-м). Решение о строительстве Новококандского химзавода принималось в семидесятые годы. Экологической экспертизы в то время не проводилось, что признал приезжавший министр. Вначале восьмидесятых появилась информация о вредном воздействии завода. Но и тогда республика вопросов Союзному министерству не задавала. Владимир Григорьевич Конюхов был высокопрофессиональным, неравнодушным человеком, много сделавшим для становления Госкомприроды и охраны окружающей среды в Узбекистане. Он создал активно работающий Общественный совет при Госкомприроде. Помню одно из ярких обсуждений на Совете, когда проект Пскемской ГЭС не пропустили. Тогда проектировщикам и заинтересованным ведомствам было сказано \»нет\». И оно было принято \»верхами\». Конюхов, безусловно, играл ключевую роль в решении проблемы станции метро «Чкаловская», возглавляя штаб специалистов.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

04.07.2013